КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ИСКАЖЕНИЯ В МЕТАФОРИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯРЛЫКА

В статье рассматривается феномен ложности политического ярлыка, используемого в качестве манипулятивной оценочной характеристики. Политические ярлыки демонстрируют новые возможности воздействия на массовое сознание с помощью концептуальных искажений, маскируемых в метафорической форме. Примером такой ложной когнитивной модели является метафорическая конструкция, получившая название islamofascism.

Ключевые слова: политический ярлык, метафора, фашизм

The article deals with the phenomenon of falsity of political labels carrying manipulative evaluation. Such labels can influence the process of understanding by distorting conceptual content of metaphoric frames. The distortion is exemplified by the recent metaphoric invention named «islamofascism».

Key words: political label, metaphor, fascism

Метафора в политической коммуникации решает двойственные задачи, выступая и в качестве аналитического инструмента, и в роли идеологического оружия. Как в первом, так и во втором случае политическая метафора проявляет ряд специфических свойств по сравнению с метафорой художественного и разговорного дискурса.

Метафора в виде политического ярлыка проявляет себя как вердикт, оценочная метка. По словам Н.Д. Арутюновой, «метафора это приговор без судебного разбирательства, вывод без мотивировки. Она семантически насыщена, но не эксплицитна» [Арутюнова 1999: 355], метафора «избегает

объяснений и обоснований» [Арутюнова 1999: 354]. Политический ярлык, конечно же, безапелляционен и категоричен. Однако помимо образа и оценочного заряда в содержании политической метафоры часто оказывается не менее значим концептуальный блок моделирующей семантики. В качестве метафорического вердикта в политике нередко используются концепты большой содержательной глубины, которая уже сама по себе начинает работать в функции своеобразной объяснительности, способной дать человеку готовый ответ на то, как воспринимать называемый метафорой феномен.

А.П. Чудинов рассматривает эвристический потенциал политической метафоры как сочетание нескольких компонентов в рамках когнитивной и прагматической функций. Когнитивными элементами этой схемы выступают моделирующая функция - «использование системы взаимосвязанных метафор позволяет создать модель политической реальности при помощи системы концептов, относящейся к совершенно иной понятийной области» и инструментальная функция, дающая возможность метафоре «"подсказывать" решения, определять направление развития мысли, то есть выступать как своего рода инструмент мышления». Внутри прагматического функционала политической метафоры автор выделяет побудительную, аргументативную и эмотивную составляющие [Чудинов 2003].

Безусловно, метафора, и прежде всего метафора новая, не может претендовать на абсолютную точность понятийного описания обозначаемых ею вещей. Метафора по определению оперирует сравнением явлений, принадлежащих разным категориальным классам. Метафора, по словам Н.Д. Арутюновой «возникает тогда, когда между сопоставляемыми объектами имеется больше различного, чем общего» [Арутюнова 1999: 367]. В более радикальной формулировке В.А. Масловой метафора «образуется из категориальной, таксономической (классификационной) ошибки» [Маслова 2001: 89]. Однако в политической коммуникации заметна тенденция использовать как метафоры понятия из родственных логических областей. Повидимому, в этом проявляет себя свойственное политике дипломатическое свойство терминологической подстраховки. В политической полемике полезно иметь в качестве запасного

варианта аргумент, что следует понимать использованное слово не как строгий юридический термин, а как метафору.

Тем не менее, при всей простительной неточности метафоры в ее моделирующей функции, есть совершенно четкая грань между неполнотой когнитивного описания и концептуальным искажением. Политическая метафора не художественный прием, а мощный концептуальный регулятор. Политическая метафора создает матрицу интерпретации называемого ею явления, и эта матрица может задать совершенно неверные ориентиры, способные привести к тяжелым социальным последствиям.

Актуальным примером ложной когнитивной модели является сравнительно новая метафорическая конструкция, получившая распространение в англо-американском политическом дискурсе – слово *islamofascism*. Свое официальное крещение это слово получило благодаря Дж. Бушу-младшему как обозначение крайней формы терроризма, перешедшего последние границы терактом 11 сентября 2001 года. Одним из первых мотивировку этого нового ярлыка дал американский журналист К. Хитченс в журнале «Slate». Эта ставшая востребованной мотивировка объединила в себе груз концептуальных натяжек, которые будут далее сопровождать применение этого слова в дискурсе западных средств массовой информации. Для обвинения ближневосточного терроризма в регрессивном характере и патологически деструктивных наклонностях, К. Хитченс использовал аргумент антисемитизма. Фашизм и радикальный ислам в его трактовке сведены воедино, поскольку «хронически отравлены токсином антисемитской паранойи (*are chronically infected with the toxin of anti-Jewish paranoia*)» [Hitchens C.: URL]. Возможно, К. Хитченс искренне считает, что не любить евреев могут только фашисты. Журналист не стал углубляться в то, как исторически относились к евреям не «отравленные антисемитизмом» страны Европы. По-видимому, то, что официальными указами королевской власти евреи были изгнаны из Англии (в 1290 году), из Франции (в 1394 году), из Германии, Италии и Испании (в конце 15 века), «антиеврейской паранойей» не было.

В структурно-семантическом отношении *islamofascism* представляет собой сочетание идентифицирующей номинации

(*islamo-*) и предикатной метафоры (*fascism*). Такая структура благоприятствует выполнению метафорой ее когнитивной и прагматической функций, поскольку строится по принципу свернутого суждения. Метафора *fascism*, таким образом, приобретает объяснительность, усиленную устойчивой словообразовательной связкой – некое социально-политическое явление называется с одновременной констатацией его постулируемого тождества с фашизмом.

Когнитивная рамка интерпретации, задаваемая словом *fascism*, создается под влиянием специфических семантических изменений, которые претерпел соответствующий английский концепт в течение второй половины 20 века. С одной стороны, концепт *fascism* подвергается генерализации, становясь неким универсальным наименованием для широко понимаемой политической диктатуры, игнорирующей обязательные нормы западной демократии. Дефиниционный анализ лексемы *fascism* в данном случае свидетельствует о довольно типичной категорично-обобщающей лаконичности:

- *a way of organizing a society in which a government ruled by a **dictator** who **controls the lives of people** and in which **people are not allowed to disagree** with the government* (<http://www.merriam-webster.com/>)

- *a **RIGHT-WING** political system in which **people's lives are completely controlled** by the state and **no political opposition is allowed*** (<http://www.ldoceonline.com/dictionary/>)

- *an extreme right-wing political system or attitude which is in favour of **strong central government** and which **does not allow any opposition*** (<http://www.oxforddictionaries.com/>)

- *a very right-wing political system in which the government is very powerful and **controls the society** and the economy **completely, not allowing any opposition***. (<http://www.macmillandictionary.com/>).

Характерные для словарей дефиниции такого типа считают достаточным для обозначения специфического признака

определяемой диктатуры выделить лишь ее правую политическую окраску (right-wing political system).

Следует отметить, что такого рода обобщенные интерпретации не являются стихийно возникшим новым пониманием фашизма. В их семантическом оформлении очень существенную роль сыграли идеологические факторы холодной войны, одной из теоретических задач которой стало ложное уподобление недемократичности Советского строя фашистскому режиму.

Второй особенностью семантической трансформации концепта *fascism* становится отодвигание на второй план наиболее сущностных свойств фашизма, равно как и характеристик его историко-культурного своеобразия. Генерализация понятия не просто сократила количество конкретизирующих признаков, но произвела их отбор по критериям, некорректно определяющим системообразующие элементы реального исторического явления. Так, совершенно очевидно, что для описания сути фашизма его правая политическая ориентация из приведенных выше дефиниций имеет гораздо меньшую значимость по сравнению с принципиальной установкой расизма, превосходства своей нации или расы над всеми остальными.

Сущность фашизма, заключающаяся в уверенном делении человечества на неравноправные «виды», имеющие якобы прирожденный и некорректируемый коэффициент «качества», слишком явно не соответствовала заданной идеологической схеме приравнивания фашизма и коммунизма. Коммунизм строил свой стратегический образ будущего на интернациональном принципе единства и равенства всех народов. Акцентирование расистской сути фашизма представляло прагматические неудобства и в последующем использовании этого понятия как осуждающего политического ярлыка по отношению к другим авторитарным режимам, например, диктатуре Саддама Хусейна, отнюдь не провозглашавшего свой народ избранной расой.

Едва ли поэтому можно считать случайным то, что упоминания расизма в словарных дефинициях слова *fascism* или отсутствуют вообще, или встречаются в странно

нейтрализованных и логически неопределенных формулировках, например:

- *a political system based on a very powerful leader, state control, and being **extremely proud of country and race**, and in which political opposition is not allowed* (<http://dictionary.cambridge.org/>)

Дефиниция Кембриджского словаря дает стыдливо скромную характеристику теории высшей расы в виде определения «чрезвычайная гордость своей страной или расой». Опора на ключевое слово «proud» - «гордиться» одновременно наивна и логически неуклюжа, поскольку предполагает, что гордиться своей страной или расой разрешается только ограниченно. Выходит, что трансформация в фашиста может произойти из-за излишней гордости родиной.

Вместе с тем смысловое существование культурного концепта выраженной исторической значимости никогда не ограничивается одним лишь контекстом политической актуальности. Такие концепты всегда получают смысловое подкрепление в образной и ценностной прецедентности дискурса исторической традиции. Понятие фашизма не является абстрактным термином исторической науки, оно укоренено в истории, и как любое значимое историческое явление, наделено оценкой и ассоциативностью, закрепленными в культурной памяти. При любой редуцированности темы фашизма в области образования или СМИ очень трудно избежать упоминания непреложного исторического факта - фашизм появился в Европе, в прогрессивных и цивилизованных Италии и Германии. Уже здесь смысловые ассоциаты исторической природы оказываются плохо совместимы с упрощенной когнитивной схемой фашизма как некой абстрактной жестокой диктатуры, примеры которой в настоящее время западный массмедийный дискурс ищет за пределами своей цивилизации. Оказывается странным образом необъяснимо, почему тоталитарное зло фашизма сумело дать корни в Европе, которой тот же массмедийный дискурс приписывает прирожденную демократическую безупречность.

Но еще более концептуально опасным является использование невнятного понятийного содержания фашизма в качестве современного идеологического оружия против ближневосточного терроризма. Подогнанное под западную

политическую идеологию понимание фашизма искусственно пристыковывается к реалиям исламской культуры, для которой фашизм исторически чужд совершенно. Концептуально ошибочно уже то, что составное слово своей эллиптической частью *islamo-* делает морфологически неразличимыми ислам и ислаимизм. Исламизм, как во всеуслышание заявляют все крупнейшие религиозные и государственные деятели Ближнего Востока, принципиально расходится с исламом. Исламизм чудовищным образом искажает гуманистическую суть ислама, используя его лишь как знамя для лживого идеологического привлечения боевиков.

Появление в медийном дискурсе ложного семантического гибрида *islamofascism* вносит еще большую путаницу в восприятие фашизма в американском и европейском сознании. Искусственное приписывание некорректно обобщенного термина совершенно другой культуре мешает пониманию того, что фашизм – это культурная болезнь Европы, вызванная тяжелым историческим наследием европейского же расизма. Европейское культурное сознание всячески избегает вспоминать, что расизм является застарелым заболеванием Западной цивилизации, совершенно недвусмысленно проявлявшим себя в теоретическом «оправдании» рабовладения и в подведении моральной базы под присваиваемое европейцами право отнимать землю у любых «неразвитых» народов. Фактов, показывающих, насколько глубоко вирус расизма проник в тело западной цивилизации, слишком много, чтобы их можно было объяснить случайными появлениями в «исторически демократичной» Европе безумных фашистских диктаторов.

Замалчивание расистской составляющей фашизма чревато очень серьезными последствиями для Западной культуры. Агрессивное идеологическое оружие в виде ярлыка *islamofascism* порождает бурный рост исламофобии в Европе, которую с помощью искаженной метафоры отучают вспоминать, чем опасен ее же собственный расизм. Между тем, профашистские движения Европы активизируются, извлекая выгоду из того, что подогреваемые СМИ настроения негативного отношения к многочисленным мигрантам из мусульманских стран получают большой общественный резонанс. В результате запутанное европейское массовое сознание может ответить новой вспышкой

расизма, не узнавая в нем то, что породило в свое время итальянский и немецкий фашизм. В итоге ложным заклинанием с искаженной метафорой *fascism* можно воскресить в новом облике и под другим именем того же монстра европейского фашизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека М.: Языки русской культуры, 1999. - 896 с.
2. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2001. — 208с.
3. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Монография. — Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003. — 248 с.
4. Cambridge Dictionaries Online
<http://dictionary.cambridge.org/>
5. Hitchens Christopher. Defending Islamofascism.
http://www.slate.com/articles/news_and_politics/fighting_words/2007/10/defending_islamofascism.html
6. Longman Dictionary of Contemporary English
<http://www.ldoceonline.com/dictionary/>
7. Macmillan Dictionary Online
<http://www.macmillandictionary.com/>
8. Merriam-Webster: Dictionary and Thesaurus
<http://www.merriam-webster.com/>
9. Oxford Dictionaries.
<http://www.oxforddictionaries.com/>

© Погорелко А.М., 2021.